

Протест оппозиции: иллюзии и реальность

Второй срок В.В.Путина — новый этап кризиса России, а не формальная смена декораций в рамках прежнего этапа. Вспомним ход событий.

После ликвидации СССР мы пережили этап хаотического разграбления хозяйства и кусков власти. Возник паразитический, полупреступный порядок с его олигархической экономической и политической надстройкой — ельцинизм. Это был краткосрочный режим, он был слишком несовместим с жизнью и был чреват преждевременной катастрофой. К тому же он оказался неспособен сломать многие устои советской системы — армию, образование и здравоохранение, ЖКХ, земельное право.

Замена Ельцина на Путина была призвана устранить оба эти дефекта — снизить риск неконтролируемой катастрофы, выкорчевать остатки советской системы и лишить страну левой альтернативы выхода из кризиса. Это значит обречь Россию на судьбу периферийного придатка Запада. Опыт правительства Примакова — Маслюкова даже при Ельцине показал, что преодоление российского кризиса без катастрофы возможно.

Во второй срок, при полностью подконтрольной Думе, предполагается без помех сделать такие шаги: ликвидировать армию российского типа, заменить ее на наемную, типа жандармерии, неспособную защитить РФ от внешних угроз; ликвидировать социальные системы, обеспечивающие жизнь народа как целого — переключить их на обслуживание только платежеспособной части населения; ликвидировать целостное народное хозяйство, науку и образование.

Вступление в ВТО добьет наши высокотехнологичные отрасли (ВПК, авиастроение, электронику) и сельское хозяйство. Без этих отраслей и без науки страна как целое не выживет, на ее месте будут анклавы филиалов транснациональных фирм, работающие на мировой рынок, и море нищающего населения, теряющего квалификацию, образование и здоровье. Прошедшие пять лет подтвердили главный вывод: на пути, по которому продолжает идти нынешняя власть, страна не выживет — ее ждет деиндустриализация, дальнейшее обеднение большинства, нарушение связности регионов и ползучий распад с растаскиванием жизненно важных для возрождения ресурсов. У нас перед глазами наглядный пример Аргентины. При президенте Менеме и министре экономики Кавалло Аргентина приняла навязанный США и МВФ план реформы, который загнал ее в одну из худших зон периферийного капитализма, так что вполне развитая страна буквально за пять лет потеряла свою финансовую систему, затем современные отрасли промышленности, стала за долги распродавать землю и превратилась в нищающее, деградирующее пространство.

Вот объективные условия нынешнего момента в РФ. Мы живем инвестициями, сделанными в 70-80-е годы, качаем нефть и газ из советских скважин, пашем на советских тракторах. Мы летаем на исчерпавших свой ресурс советских самолетах, советские системы вооружения с трудом поддерживают в дееспособном состоянии офицеры и инженеры, которых обучают старые советские преподаватели и профессора. Этот резерв подходит к концу. Угрозы неумолимы, особенно наглядно это видно в ЖКХ. Эти угрозы не отворотить заклинаниями о рынке или об усилении вертикали власти.

Реформа предполагала заменить все большие системы, унаследованные от СССР, новыми, рыночными. Это не вышло — сломали или придушили старые системы, но не создали новых. Реформаторы оказались не в состоянии создать новый общественный строй, в котором могла бы жить страна. Они неспособны создать новые большие системы — но неспособны и содержать в порядке старые системы. Возникла аномальная ситуация угасания страны. Омертвленная часть производственной базы разрушается, временные небольшие всплески не меняют картины, нефтедоллары лишь маскируют положение.

Это не может длиться долго. Социальные и экономические формы должны отвечать реальным условиям. Не можете создать нашим фермерам такие же условия, как в США — восстановите госпредприятия и кооперативы; не можете перевести ЖКХ на рыночные рельсы так, чтобы люди не мерзли — восстановите государственную систему отопления. Но, похоже, режим повязан такими теневыми обязательствами, что на эти разумные меры не идет. Значит, населению придется его заставить.

Прозрение общества неизбежно — или в стране образуется широкая патриотическая коалиция, способная начать восстановительную программу, или нас ждет революция лопнувших труб и падающих домов. Мало шансов, что власть в ее нынешнем виде пойдет на разумный компромисс, который позволил бы избежать таких бедствий. В рамках самой этой власти нет ни идеологических, ни организационных структур, которые позволили бы ей вырваться из этой ловушки. Слишком глубоко она увязла.

Несмотря на баснословные цены на нефть, правительство вынуждено начать новый виток потрошения карманов граждан. Создание стабилизационного фонда и больших золотовалютных запасов выражает безумие реформы и всей социально-экономической политики правительства. Оно кредитует экономику США под 4,5% годовых, в то время как отечественной промышленности дает кредиты под 12-18%! Более того, региональные власти, чтобы произвести срочный ремонт водопровода, вынуждены брать кредиты в иностранных банках под 20% годовых!

Государство перекладывает на жильцов расходы по ЖКХ, минимально необходимый ремонт которого уже стоит, по данным Госстроя на 2003 г., 5 триллионов рублей. Правительство запускает лапу в накопительную часть пенсий, форсирует переводение на платную основу образования и здравоохранения. Наконец, жестом отчаяния является отмена ветеранам и пенсионерам льгот в натуральном выражении.

Вывод таков: команда Путина не нашла выхода из кризиса и не могла его найти. Курс реформ, который в целом продолжила эта команда, порочен в своей основе, и никакие мелкие ухищрения не помогут. Поэтому и сама политическая конструкция, созданная после 1999 г., также имеет краткосрочный характер. Ее курс принципиально несовместим с жизнью страны. Пространство для маневра сужается, набор масок иссякает. Ельцин пришел как антипод Горбачева, Путин как антипод Ельцина, дальше пустота, ибо уже Путин прошел под чужим знаменем. Он был избран вовсе не как рыночник прозападной ориентации, для выборов политтехнологи создали ему имидж патриота-государственника. Реальный курс его действий резко расходится с образом, под который он получил кредит доверия. Значит, этот кредит сгорает, за оставшийся срок сломать хребет стране не удастся. Те силы, которые заинтересованы в том, чтобы превратить РФ в периферийный придаток Запада, вынуждены либо кардинально укрепить и видоизменить режим нынешней власти, или заменить его другим, более подходящим для этой цели режимом.

Этот вопрос и решается в данный момент в правящей верхушке Запада. В этом плане и надо рассматривать события января 2005 г.

Победив на выборах 2004 г., команда Путина резко радикализовала реформу. Летом был принят большой пакет законов, направленных на ликвидацию остатков советской социальной системы. В январе вступил в действие закон о монетизации льгот. С экономической точки зрения закон абсурдный — он разорителен и для государства, и для льготников. Еще во время прохождения закона в Госдуме это пытались объяснить специалисты, а позже и население — в опросах. В телефонном опросе ТВЦ 1 декабря 2004 г. были получены такие ответы: "Размер денежной компенсации вместо льгот лично вас: устраивает — 1,9%; разоряет — 94,6%; льготами не пользуюсь — 3,5%". В таком же опросе 17 января 2005 г. ответы были таковы: "История с отменой льгот — это: просчет центра — 3%; неразбериха на местах — 1,3%; попытка ограбления — 95,7%".

Этот закон — мелочь на фоне всего "социального пакета", но он резко дестабилизировал обстановку. По РФ прокатилась волна протестов, и они были на редкость хорошо организованы и единодушны. Режим явно пришел в замешательство. С одной стороны, власти пошли на попятную и временно вернули часть натуральных льгот, идя ради этого даже на чрезвычайные меры (например, взяв деньги из инвестиционных программ, в том числе также чрезвычайных — таких, как замена изношенных теплосетей). С другой стороны, власти так и не решились пойти на спокойный разумный диалог с обществом и даже наделали много глупостей — вроде "демонстраций в поддержку монетизации льгот", которые не могли вызвать ничего, кроме презрения.

Бесполезно пытаться понять мотивы конкретных действий власти, искать какие-то хитроумные замыслы, объясняющие ее шараханье из стороны в сторону. Есть простое правило: не следует искать злого умысла в том, что можно объяснить глупостью. Важнее тот факт, что шараханья происходят в рамках неизменного общего направления реформ, а также тот факт, что верхушка Запада, которая внимательно наблюдает за прыжками и гримасами российской власти, использует их в своих интересах, шаг за шагом ухудшая положение РФ. Для нас же срочная задача — понять тот "сигнал", который нам подали январские события. Кратко он видится так.

Принципиального сдвига в массовом сознании пока не произошло. Люди смутно представляют себе фундаментальные угрозы, которые несет им продолжение реформы, но остро реагируют на частные

болезненные "уколы" вроде монетизации льгот. Это значит, что говорить о повороте к "революционному" сознанию еще рано — власть вполне может контролировать ситуацию и с небольшими средствами "обезболить" подобные уколы (если они вообще не носят экспериментального характера и не используются как инструмент манипуляции сознанием). Когда общественные процессы втягиваются в коридор, ведущий к социальной революции, то это отношение выворачивается наизнанку — любой "укол" воспринимается как выражение фундаментальных угроз, как свидетельство полной непригодности существующего режима. То, что левая пресса назвала события января революцией ("седая революция" и т.п.), — ошибка. Такими словами не стоит кидаться.

Если у людей нет осознания общих угроз — нет и активной широкой солидарности. Летом судят нацболов, устроивших акцию протеста против закона, ущемляющего пенсионеров — но никакой поддержки со стороны самих пенсионеров эти получившие по пять лет тюрьмы молодые люди не получили. В январе на улицы выходят сами пенсионеры, но их не поддерживают ни студенты, ни военные. Режим легко расчленяет социальный протест и лишает его силы — за своими частными бедами люди не видят общей трагедии.

Очевидно, что в целом граждане оценивают курс правительства резко отрицательно. В опросе ТВЦ 16 декабря 2004 г. люди ответили так: "Реформы, проводимые в стране правительством, лично вам принесли: больше пользы — 1,1%; больше вреда — 91,8%; одни сомнения — 7,1%". Почему же не возникает общей политической воли, общего активного отторжения нынешней власти с активным отказом ей в доверии? Потому, что отрицание само по себе не рождает политической воли, не мобилизует людей на общие активные действия. На отрицании люди могут лишь стать материалом для "оранжевой" революции, которая организуется чьей-то скрытой, теневой волей. Чтобы большая часть общества соединилась для активных действий согласно собственным идеалам и интересам, необходим ясный и принятый этой частью общества проект — представление о будущем жизнеустройстве и о ведущем к нему пути. В 1917 г. такой проект был, а сейчас — его нет, хотя от либеральной утопии люди отшатнулись.

В этом — большое отличие нынешнего положения от ситуации в России в 1905-1917 гг., а значит, и отличие той роли, которую должна играть коммунистическая партия (и вообще левые партии). Сто лет назад 90% населения России было сплочено единой мировоззренческой основой — общинным крестьянским коммунизмом. В то же время эта масса населения была хорошо структурирована и организована и сельской общиной, и трудовыми коллективами рабочих, сохранивших общинную психологию. Здесь вырабатывался проект, представление о благой жизни было выражено в четких эпических выражениях. Оно было зафиксировано в тысячах манифестов — наказов и приговоров сельских сходов. По своей ясности и выразительной силе они превосходят "Манифест коммунистической партии". Отсюда большевики черпали идеи и слова для "Апрельских тезисов" и первых декретов Советской власти. Об этой особенности русской революции сказал Брехт: "Ведомые ведут ведущих!"

Сейчас положение другое, мировоззренческая основа не вырастает сама собой — нет для этого в обществе форума, подобного общине начала XX века. Это должно стать главной функцией политической партии оппозиции и примыкающей к ней интеллигенции. Обычно главные установки партии выражаются в виде двух программ — программы-максимум (образ "светлого будущего") и программы-минимум (решение актуальных насущных проблем). Но в КПРФ период ее становления слишком затянулся — таких ясных документов пока не выработано. Не ясно из ее документов и то, как она видит расстановку сил в стране, кто ее союзники и кто противники, на какой основе возникают у нее союзы и непримиримые конфликты. Нет программных установок — нет и идеологии, нет и языка, на котором можно было бы выразить свою идеологию для разных поколений и разных социальных групп.

Конечно, положение трудное. Сейчас общество разобщено и смущено, оно еще не преодолело мировоззренческий кризис, вызванный массовым и очень быстрым переходом к городскому образу жизни, резкой сменой поколений, распадом интеллектуальной элиты и национальной изменой властной верхушки СССР. Повсеместной "молекулярной" работой новый проект сейчас создан быть не может. А пока проекта нет, люди будут злиться на власть, обижаться на ее действия, даже выходить на улицы и перекрывать шоссе — по частным конкретным причинам. Но эту обиду можно погасить. Дали пенсионерам бесплатные проездные билеты — и они успокоились, хотя ничего в политике правительства не изменилось. На обиде социальная революция не вырастает.

Ясно, что открытый социальный протест хотя бы небольшой части общества, — необходимая школа для воспитания гражданского чувства и обучения гражданским навыкам. Прежде всего школа для тех, кто в них прямо участвует и тем более их организует, но и для всех остальных тоже. Всех честных людей волнует само зрелище справедливого протеста и даже само известие о нем. Без этого человеку трудно обрести уверенность в том, что путем совместного активного выражения своей позиции можно добиться многого. Вот как ответили

телезрители в опросе ТВЦ 12 января 2005г.: "Вы считаете, что ваши права можно реально защитить: в суде — 3,5%; через профсоюзы — 1,3%; в акциях протеста — 95,2%". До январских демонстраций трудно было ожидать не только такого ответа, но даже и самой постановки вопроса.

Всплеск социальной активности в январе выявил и общие причины слабости левых политических организаций. Да, в момент открытого активного протеста организованные политики могут подлить масла в огонь, воззвать к оскорбленному чувству людей, растравить их обиду и указать на обидчика как на социального врага. Не лично Зурабов враг, а то господствующее меньшинство, которое востребовало Зурабова, дало ему полномочия министра и побудило нанести ущерб интересам большинства. Активная агитация в такой момент — обычная и необходимая форма политической борьбы. Но если в этот момент политик обращается лишь к эмоциям и не говорит важных слов, которые западают в душу и дают пищу для длительной работы разума, то результат агитации пропадает после того, как люди расходятся домой. На мой взгляд, в январе, в общем, таких слов не было сказано, хотя люди их ждали и были готовы их услышать.

На последних выборах КПРФ потерпела неудачу, поддержка ее сократилась. Но делового разговора о причинах этого не было, от причин партийную массу отвлекли внутренними распрями и взаимными обвинениями. Не говорилось даже о тех причинах, которые лежали на поверхности. Вспомним, как было дело.

С 1992 г. КПРФ оказывала сопротивление курсу Ельцина. Состояние партии и общества позволяло тогда ставить лишь задачу торможения кризиса. Большого нельзя было и требовать. Сохранение, до настоящего момента, многих социальных структур советского типа — во многом заслуга КПРФ. Однако реформа была войной, к которой партия не была готова. Мы вошли в кризис, многого не зная и не понимая. Против нас действовало меньшинство, но мощное — альянс Запада с частью номенклатуры, преступного мира и нашей либеральной интеллигенции. Этот альянс в кампании 90-х годов победил и обобрал побежденных. Судя по результатам, по России прокатилась гражданская война нового типа, причем с активной поддержкой извне. Но сил сломать Россию у этого альянса не хватило, народ уцелел, сознание его восстанавливается, что и вынудило реформаторов пойти на смену масок и лозунгов. Ельцин был убран с арены и выведен в тень.

В 90-е годы легко было концентрировать внимание на очевидных дефектах реформ, а еще легче — на словах и делах Ельцина, оснований он давал с избытком. Сменили Ельцина — и случился провал. Своей антиельцинской пропагандой КПРФ буквально "слепила" образ Путина — он и явился, как идеальное отрицание образа Ельцина.

С приходом Путина началась новая кампания этой войны — но КПРФ не сменила ни языка, ни логики, ни организационных принципов. Она их не разрабатывала, покуда на открытой сцене велись критика Ельцина и хлопоты по выборам Госдумы и "красных" губернаторов. Не было в КПРФ предусмотрено такой функции и ее организационного обеспечения. Даже наоборот, инициативы в этом направлении пресекались.

Поэтому партия не смогла вовремя ответить на тот факт, что общество изменилось — в 90-е годы КПРФ опиралась на образ СССР, а вперед вышло новое поколение, выросшее уже при Горбачеве и Ельцине. В диалоге с ним надо было отталкиваться уже не от СССР, а от нынешнего положения. Однако нового идейного оснащения и новых средств борьбы КПРФ создать не смогла. Понимая настроение общества и владея СМИ, партия власти построила свой образ как носителя умеренного центристского проекта с привычными чертами поздней КПСС. Эффект от этой овечьей шкуры краткосрочен, но для двух выборных кампаний его хватило.

Левые могли за прошедшее после выборов 2003-2004 гг. время извлечь уроки, но этого тоже не произошло. Ничего не изменилось в их идеологии, программных установках и образе действий. КПРФ сохранила свой тип парламентской партии — при том, что парламентаризм в РФ иссяк, Госдума стала совершенно бесправной, она выпала из клубка общественных противоречий.

Это и показали январские протесты. Роль политической партии в момент острого конфликта общества с властью — показать людям связь этого частного конфликта с фундаментальными противоречиями, неразрешимыми при этой власти. Тогда люди увидят, что, выступая против конкретного действия власти (в данном случае против монетизации льгот), они борются не ради своего небольшого интереса, а за судьбу всей страны, за идеал справедливости для всех. Но ораторы на митингах принижали проблему, сводя дело к тому, что правительство обидело пенсионеров — отняло льготы натурой, а денежная компенсация маловата.

Идейная слабость левых видна уже в том, что они не нашли языка, на котором можно верно описать главные угрозы нашему бытию, порождаемые нынешним кризисом. Марксистские и торжественно-державные понятия, которыми полны программы и выступления левых политиков, скользят мимо, не выражают той беды, которую интуитивно чувствуют люди. Разве о несоответствии производительных сил и производственных отношений

сейчас речь? Разве в бездуховности западной масс-культуры дело или сексуальном образовании? Когда КПРФ под таким углом зрения представляет людям "карту" нынешней битвы и проводит на ней линию фронта, это не убеждает людей.

Слабость программной и идеологической работы в КПРФ обусловлена той организационной и идейной матрицей, которая была в нее заложена уже при создании и унаследовала от поздней КПСС. Отрезать эту пуповину было необходимо, но этого не было сделано, хотя все признавали, что КПСС проиграла битву в сфере идей. Были в 90-е годы попытки изменить эту матрицу, придать партии способность к обновлению ее идейного арсенала? Да, были, но они были подавлены руководящим составом КПРФ. Это подавление было активным и жестким. В первую половину 90-х годов к КПРФ тянулось большое число молодых интеллигентов коммунистических убеждений. Судя по их письмам и большим текстам, среди них было много упорных и талантливых мыслителей, знающих реальность и города, и села, и производства, и армии. Если бы их не оттолкнули, а предоставили им условия и контакты для интеллектуальной работы, КПРФ могла бы стать именно партией нового типа. Это была бы партия, какой нет ни на Западе, ни на Востоке — осмыслившая опыт катастрофы СССР и способная ответить на главные вопросы, поставленные нынешним общим кризисом цивилизации. Такой партии ждало от России не только мировое левое движение, но и все движения в поиске путей выхода из кризиса.

Однако КПРФ не только не стала собирательницей всех этих сил, но и рассыпала те союзные ей структуры, в которых был шанс собраться этим силам вне партии. Это видно и на печальном опыте НПСР, и на опыте менее крупных инициатив. С поразительным постоянством союзники КПРФ сначала отодвигались в сторону, потом становились объектом резкой, часто оскорбительной критики, а затем превращались в противников. Никаких разумных оправданий это не имело.

Можно понять неизбежное Ленина и Плеханова, когда созрели две принципиально разные программы большевиков и меньшевиков и началась их реализация. В КПРФ возникла обстановка перманентного раскола по обратной причине — из-за отсутствия ясных целей и интенсивной работы. Только общие цели и общая работа сплачивают людей, а если их нет — всегда начинаются раздоры. Расколы, вызванные программными расхождениями, усиливают партию, верно понявшую суть общественного противостояния — это и показал опыт большевиков. КПРФ с каждым расколом теряет силу и массовую поддержку, причем раскол идет сверху донизу, до региональных и первичных организаций. Сообщалось, что после лета 2004 г. были заменены секретари 29 региональных организаций! К тому же раскол привел и к финансовому кризису партии, и к "войне компроматов".

Да, во многом эти кризисы спровоцированы и усилены целенаправленными действиями администрации президента, но на то и политическая борьба. Не может быть власти, которая не боролась бы с оппозицией. На это свои слабости списывать нельзя. Всегда власть пытается расколоть оппозицию, стимулируя и даже финансируя фракционеров, которые подменяют политические цели групповыми (вроде "партии пенсионеров") или программу политического действия выработкой утопии (вроде ЛДПР).

Единственное средство против этого — идейная и организационная работа. Если она не захватывает людей, начинаются дразги и взаимные подозрения. Они сказываются даже на взаимодействии поколений — многими старшими товарищами молодежь считается "недостаточно коммунистичной". Что это такое? Не может же после такой катастрофы, какую пережило наше общество, молодежь воспроизводить стереотипы стариков. И получилось так, что руководство КПРФ стареет, а молодых лиц в нем вообще не появляется. А ведь и сам Г.А.Зюганов считал бедой КПСС то, что она скатилась к геронтократии. Сейчас это еще опаснее, чем во времена КПСС.

Еще более болезненными стали множественные конфликты с союзниками, которые искренне тяготели к КПРФ. Конечно, они чем-то отличались от членов партии, на что-то смотрели иначе, что-то делали иначе. Но из-за этого можно со всеми рассориться? Ведь и сами руководящие товарищи в КПРФ вовсе не проявляют большевистской щепетильности в своих отношениях вне партии. Они обросли очень неопределенными (а порой и компрометирующими их) связями с разного рода корпорациями, властными структурами, даже олигархами. Наверное, без этого не обойтись, но как же при этом можно губить своих естественных союзников из-за соломинки в их глазу!

Ведь расплывчатость идейной платформы — общая беда. Бывает, что и член фракции КПРФ в Госдуме рассыпается на телевидении в комплиментах Познеру — ах, как он его уважает, ах, какой он компетентный! Глазам своим не веришь. Ведь Познер — явный антикоммунист и русофоб, так все его и воспринимают. Теперь — неопределенность в отношениях с Явлинским и СПС. То ли входят с ними в антипутинский блок, то ли нет. Это поражает — да разве возможно блокироваться с Немцовым и Чубайсом? Разве может "Правда"

идти в одном политическом строю с "Эхом Москвы"? Непонятны сами критерии, из которых исходит КПРФ во всех этих случаях. А пока они непонятны, отношение большинства остается настороженным.

Нечеткость принципиальных установок присуща руководящему составу КПРФ как целому. Причина этого — в дефектах той теоретической платформы, которая объединяет этих людей. Так возник порочный круг: чтобы сплотиться, нужна интенсивная работа над программой партии, но непрерывные расколы не дают эту работу вести. Ее можно было бы вести "рядом" с КПРФ, собирая молодых, способных и деятельных людей, но при появлении таких ячеек слышался желчный окрик кого-то из "старших товарищей", и росток увядал. Дошло до того, что программные вопросы коммунистического движения и социализма в новых условиях можно обсуждать где-то в МГУ, в каких-то фондах или даже информационных агентствах, но не на партийных форумах и совещаниях. Таких форумов и совещаний даже нельзя себе представить. КПРФ оказалась вне теоретической борьбы, вне того мировоззренческого конфликта, который расколол наше общество.

Все это шаг за шагом сужает социальную базу партии. Ведь эта база укрепляется лишь при расширении связей сотрудничества с широким спектром общественных движений — по тем вопросам, в которых есть сходство интересов и идеалов. Мы же видим раз за разом обрубание этих связей. Была сделана потенциально плодотворная попытка возродить социал-демократическое движение, союзное КПРФ — вопреки "подставной" социал-демократии Горбачева—Яковлева. Такой проект привлек бы большую часть интеллигенции лево-центристского толка, ее левое крыло затем неминуемо сдвинулось бы к компартии, влило в нее "новую кровь" и свежую мысль. Нет, эту инициативу разгромили. Была сделана попытка создать союзное КПРФ лево-патриотическое движение, к которому потянулась молодежь многих регионов — эту инициативу разгромили. В обоих случаях обрубили множество связей с научным и преподавательским сообществом. Это путь к самоуничтожению КПРФ.

Сейчас, после января, положение организованных левых сил резко осложняется. Тот альянс, который в 1991 г. добился ликвидации СССР, начал новую военную операцию в бывших советских республиках. Целей преследуется много, и одна из них — пресечь попытки к восстановлению хозяйственных и культурных связей. На наших глазах проведена замена стоявших у власти группировок в Грузии и на Украине. И это была вовсе не косметическая замена, а разновидность радикального переворота с резким усилением антироссийских установок новой власти. Недаром эти акции получили название "революций". Никакого отношения к классовой борьбе они не имеют, никаких социальных противоречий не разрешают, но ведь и противоречия, и борьба бывают не только классовыми.

В этих переворотах были использованы технологии, доведенные до совершенства в 80-90-е годы. Подобные "бархатные" революции были организованы во многих странах и с разными целями. Судя по многим признакам, подобная "революция" готовится и в РФ. Это не значит, что она обязательно произойдет, но создание организационной базы для нее и подготовка массового сознания идут полным ходом. Для этого, похоже, и злят наши министры-экономисты едва ли не все группы населения.

Понятно, что политические партии в преддверии этого назревающего кризиса должны определиться, дать ясное изложение ситуации и своей позиции. От КПРФ такого изложения позиции пока не получено. Делаются противоречивые предложения о странном союзе с СПС — "идти порознь, а бить вместе" (имеется в виду бить по нынешнему режиму, как "оранжевые" били по режиму Кучмы). Но что значит в политике "бить вместе"? Как при этом можно "идти порознь"? Какого результата можно ждать от такого "битья"?

Возможно, определение четкой позиции в данный конкретный момент вызовет новый раскол в левом движении, но неопределенность еще хуже. Скорее всего, в РФ такая "бархатная" революция, если на нее решатся, не пройдет так же гладко, как на Украине. Она вызовет более серьезное сопротивление, даже если влиятельная часть правящей верхушки пойдет на сговор с "революционерами". Если так, то этот виток дестабилизации вызовет не просто расколы, но и "пересборку" многих движений и партий на новых основаниях. К этому надо готовиться сознательно и упорно, пройти через такую бурю без подготовки не удастся. Очень многое надо переосмыслить и исправить. Назрела организационная перестройка работы, создание наряду с достаточно жестким костяком партии родственных ей сетевых структур со своими, достаточно автономными от центра "ядрами". Нужны союзы на широком основании, без претензии на единство взглядов по всем вопросам, но зато при четкой фиксации совпадений по вопросам главным, программным.

И КПРФ, и отколовшаяся от нее часть несут наследие КПСС, с грузом аппаратных привычек и культурных особенностей. Иначе и быть не могло, все мы вышли из советской системы времен ее упадка в чем-то покалеченными. Чистых молодых революционеров из подполья никто нам не приготовил, да и не надо их сегодня. Все равно — в КПРФ и в близкие к ней группы собрались люди относительно более честные и

относительно более страдающие за судьбы страны, чем правая часть нашего "политического класса". И всем им надо бы собраться с силами и преодолеть нынешний разброд.

Автор: Телегин С. © Интернет против телеэкрана ПОЛИТИКА , РОССИЯ 2642 13.04.2005, 14:15 166
URL: <https://babr24.com/?ADE=21050> Bytes: 29523 / 29523 Версия для печати

 [Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:

newsbabr@gmail.com

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](#)

Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь

Телеграм: [@bur24_link_bot](#)

эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова

Телеграм: [@irk24_link_bot](#)

эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская

Телеграм: [@kras24_link_bot](#)

эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская

Телеграм: [@nsk24_link_bot](#)

эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин

Телеграм: [@tomsk24_link_bot](#)

эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"

Телеграм: [@babrobot_bot](#)

эл.почта: equatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)